

В два часа ночи Цзян Цы была разбужена Фу Цзин.

— Мама?

На Фу Цзин была удобная домашняя пижама, и Цзян Цзюнь, опасаясь, что жена простудится, поспешно накинул ей на плечи накидку.

— Сяо Цы, — позвала её Фу Цзин.

Цзян Цы зевнула, ответила матери и, заметив её тревожный взгляд, подошла ближе, поправила накидку на плечах, а затем притянула её к себе и мягко обняла.

— Не волнуйся, мама. Я только помогу и сразу вернусь.

Стоявший у двери Цзян Цзюнь поймал взгляд дочери, подошёл и обнял жену, которую та только что отпустила.

— Верно, Сяо Цы уже взрослая, она справится.

Фу Цзин поджала губы. Глядя на ласковую улыбку дочери и чувствуя, как муж успокаивающе похлопывает её по плечу, она в итоге промолчала.

Вскоре Цзян Цы собралась и села в машину, присланную семьёй Се. Водитель открыл заднюю дверь, и она увидела внутри Се Мина. Тот всё ещё просматривал документы; в его взгляде, устремлённом на неё, читалась острота и нескрываемая усталость, но стоило ему разглядеть её лицо, как выражение глаз сменилось мягкостью.

— Сяо Цы, проходи, садись.

Цзян Цы, не раздумывая, кивнула и с готовностью забралась в салон.

Фу Цзин стояла на балконе, провожая взглядом удаляющуюся машину, пока та не скрылась из виду.

— Что такое? Всё ещё переживаешь? — Цзян Цзюнь слегка сжал её плечи, помогая расслабиться, и прижал к себе.

— Сяо Цы ведь только недавно прошла дифференциацию, она... — Фу Цзин запнулась. — К тому же я не знаю, что между ними произошло в последнее время. Мне кажется, отношение Сяо Цы

к Сяо Се уже не такое, как мы думали раньше.

Цзян Цзюнь приподнял бровь. Он никогда не вмешивался в личную жизнь своих детей. О взаимоотношениях дочери с парнем из семьи Се он знал лишь в общих чертах, деталей не ведал, но поскольку тот рос у него на глазах, он доверял ему больше, чем остальным. Однако он слишком хорошо знал свою жену — она была очень проницательна, и если она говорила подобное, значит, ситуация действительно изменилась.

— А-Цзин, — в голове Цзян Цзюня пронеслось множество мыслей, но мягкая улыбка не сошла с его лица. Он легко подхватил жену на руки и направился обратно в спальню. — У детей свои взгляды на жизнь. Мы должны научиться отпускать их, позволить им быть самостоятельными. Я знаю, ты беспокоишься за Сяо Цы, но разве мы не знаем, какой она человек? Она обязательно со всем справится.

Фу Цзин тихо вскрикнула от неожиданности, обняла мужа за шею, чтобы удержать равновесие, а услышав его спокойные слова, закусил губу и кивнула:

— Ты прав.

— Вот и хорошо, не бери в голову. Давай отдыхать.

Семья Се просила лишь о временной метке, и они могли дать им только её. Для альфы поставить омеге временную метку — дело самое обычное, не так ли?

Дверь за спиной Цзян Цы тихо закрылась. Она нахмурилась: казалось, будто она окунулась в густое красное вино. В комнате горел лишь тусклый свет лампы у широкой кровати, создавая тихую, уютную атмосферу.

На кровати, облачённый в чёрную шёлковую пижаму, сидел Се Гуань и молча смотрел на неё, его глаза казались бездонно чёрными.

Цзян Цы подавила импульс прикрыть ладонью железу на шее. Она чувствовала, как этот концентрированный аромат вина проникает повсюду, пытаясь пробиться сквозь блокирующий пластырь и пропитать её железу.

— Ты...

— Ты...

Они заговорили одновременно и тут же замолчали. Се Гуань нахмурил свои красивые брови,

его плотно сжатые губы на мгновение побелели, но тут же вновь окрасились в яркий цвет.

Цзян Цы приподняла бровь, почувствовав, как напряжение отступает. Она подошла к кровати, села рядом и потянулась к графину на столике, чтобы налить ему воды.

К счастью, вода была тёплой.

— Как ты себя чувствуешь?

Се Гуань посмотрел на стакан, который она протянула ему. Его пальцы, лежавшие на прозрачном стекле, были тонкими и белыми, с аккуратно подстриженными ногтями и здоровым розоватым оттенком кончиков. Он взял стакан, стараясь не касаться её руки, опустил взгляд и сделал глоток, чтобы увлажнить пересохшее горло.

— ...Уже лучше.

Цзян Цы слегка наклонила голову, забрала у него стакан и поставила обратно на стол. Ещё за дверью мать Се Гуаня рассказала ей, в каком мучительном состоянии находится сын, а отец добавил, что Се Гуаню только что ввели высокую дозу ингибитора.

Сейчас перед ней сидел всё тот же привычный, холодный и отстранённый Се Гуань. Но... уголки его глаз были подёрнуты несмываемой краснотой, лицо бледное, губы пугающе яркие, а во взгляде, который он время от времени поднимал на неё, словно клубился туман.

— Се Гуань.

Цзян Цы позвала его по имени. Когда он поднял глаза на неё, она подалась вперёд, сокращая дистанцию до опасной близости. Она коснулась его лба и с недоумением произнесла:

— У тебя лицо такое красное. Ой, кажется, у тебя жар.

Это была лишь злая шутка — она хотела воспользоваться моментом и проучить Се Гуаня, который всегда держался свысока. Но она не ожидала, что он отреагирует так остро: от её прикосновения его тело внезапно содрогнулось.

— Не... не трогай меня!

Се Гуань схватил её за запястье, пытаясь оттолкнуть, но его рука была слабой, и движение замерло на полпути.

В комнате воцарилось молчание. Цзян Цы поспешно выпрямилась и в панике заговорила:

— Прости, прости! Только не плачь, пожалуйста.

Боже! Ни в прошлой жизни, когда она читала эту книгу, ни в этой, общаясь с ним так долго, она никогда не видела, чтобы Се Гуань так плакал.

Крупные слёзы неконтролируемо катились из его глаз, падая на её запястье и оставляя тёмные пятна на постельном белье. Краснота вокруг глаз расплывалась, даже кончик носа стал алым.

Цзян Цы в спешке схватила со стола бумажные салфетки и протянула ему.

Он опустил голову, закрыв лицо руками, пытаясь сдержать слёзы и всхлипы, но все попытки оказались тщетны, и от сильного волнения действие ингибитора окончательно сошло на нет.

К горлу подступила тошнота. Как же раздражает, как же больно, как же ненавистна эта Цзян Цы!

Он ненавидел себя нынешнего, ненавидел эту физическую и психологическую слабость. Сквозь пелену слёз Се Гуань хотел приказать ей немедленно уйти из его комнаты.

В следующую секунду его окутал знакомый густой аромат османтуса.

Над головой раздался мягкий голос Цзян Цы:

— Прости, я была права, Се Гуань.

Её голос звучал легко, словно опустившееся на плечи пёрышко.

<http://bllate.org/book/22122/2303855>